DOI: https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.134

Исаев А.А.
ORCID: 000-0002-1423-1091, профессор, доктор философских наук,
Сургутский государственный университет

НРАВЫ ВЕЛИКИХ «ГНОМОВ»: ОТ АКАДЕМИЧЕСКИХ СПЛЕТЕН ДО VOLKSSTURM'А

Аннотация

Эмансипация такой предметной области как «психология творчества» есть симптом условности претензий поборников сциентизма на абсолютную власть в культурной и социальной жизни. Это наблюдение касается не только парламентеров от гуманитарии, но и представителей «наук о природе»; будь это иначе, естествоиспытателям пришлось бы признать, что пресловутая объективность научного знания есть отнюдь не реминисценция действительного порядка вещей, а попросту их собственная способность говорить истинами.

Наука, и «наука о природе» в том числе, делается людьми и для людей. Известная обусловленность научного поведения со стороны психики столь же нормальна и неустранима как и саморефлексия философского мышления. В этом смысле, «нормальна» и склонность великих тружеников университетской нивы к «академическим сплетням», – «казус» переписки (1920–1963) М. Хайдеггера и К. Ясперса как раз и говорит о том, что ничто человеческое им не чуждо. С той, быть может, разницей, что и в этом они убедительны не меньше, чем в своих публичных лекциях и эпистолярных штудиях; и в этом они разбираются не меньше, чем в метафизике.

Ф. Ницше, улавливая власть простоты в качестве тотального принципа устроенности не только повседневной жизни, но и высокой культуры, выразил это исчерпывающим образом: человеческое – слишком человеческое… Пора бы и нам понять, что «человеческое» – это не гарантия какой бы то ни было исключительности, а, по сути, этически индифферентная атрибуция, уравнивающая в правах и праведника / грешника, и естествоиспытателя / гуманитария.

Ключевые слова: психология творчества; «человеческое» как атрибут; объективность знания; интуиция сущности; претензия на власть; академическая исключительность.

Isaev A.A.
ORCID: 000-0002-1423-1091, Professor, PhD in Philosophy,
Surgut State University

MORALS OF GREAT "DWARFS": FROM ACADEMIC GOSSIPS TO VOLKSSTURM

Abstract

The emancipation of such a subject area as a "psychology of creativity" is a symptom of the conventionality of claims of scientism advocates to absolute power in cultural and social life. This observation concerns not only parliamentarians from the humanities, but also the representatives of the "natural sciences"; otherwise, naturalists would have to admit that the notorious objectivity of scientific knowledge is not at all a reminiscence of the actual order of things, but simply their own ability to speak truth.

A science, and a "science of nature" in particular, is carried out by people and for people. The well-known conditionality of scientific behavior on the part of a mind is just as normal and unremovable as the self-reflection of philosophical thinking. In this sense, the tendency of the great toilers of the university field to "academic gossip" is the "incident" of correspondence (1920-1963) of M. Heidegger and K. Jaspers and is "normal", says that nothing human is unknown to them. The difference, perhaps is that, they are convincing no less than in their public lectures and epistolary studies; and they understand not less than in metaphysics.

F. Nietzsche, capturing the power of simplicity as the total principle of the arrangement not only of everyday life, but of high culture, expressed it in an exhaustive way: the human is too human ... It is time for us to understand that this "human" is not a guarantee of any kind there was exclusivity, and, in fact, ethically indifferent attribution, equalizing the rights of both the righteous / the sinner and the naturalist / humanist.

Keywords: psychology of creativity; "human" as an attribute; objectivity of knowledge; intuition of essence; claim to power; academic exclusivity.

Пресловутая «законная» претензия философа на власть… Если бы не интуиция сущности, авансирующая свои потенции представлению о целом, то платоновские фантазии [11] никогда не достигли бы ушей Ф. Ницше [8] или позднее – Э. Канетти [3]. Хотя нашелся бы кто-то другой. Великие умы, великие претензии. И каждая из них оправданна.

Когда речь идет о власти, пусть только и академической – власти над умами, как в «случае» К. Ясперса и М. Хайдеггера, то, казалось бы, причем здесь «гномы»?, ведь власть – удел великих, по крайней мере, избранных. И только ли о масштабе личности философствующего персонажа и его вклада в традицию идет здесь речь? Быть может, это, скорее, проявление ложной скромности и, тем самым, гордыни? А то и символ совсем иного – жизни втуне, в состоянии несбыточных претензий на философское величие, действительно, как у гномов – обитателей «нижнего» подземного мира?

Неужели соблазн власти и, в частности, власти над умами сродни экономическому интересу, со времен фон Хайека, представляющему условие всех наших жизненных устремлений. Быть может, в отношении к власти нет равнодушных людей, а те, что кажутся таковыми, лишь хорошо это скрывают? Что если жажда власти столь интрузивна, что затрагивает, как и всякая всеобщая эквиваленция, также и жизнь философских эпигонов, коим самой рефлексией, имманентной философскому мироощущению, предписана скромность и благодарность? Вопросы как реминисценция сомнения в знаемом всеми подталкивают к обратному, но здесь вмешивается беспардонная очевидность, уставшая от назойливости Р. Декарта; вмешивается, утверждая: любая власть – нешуточный профит, а потому, не будь ландштурмист М. Хайдеггер скромным университетским профессором, с давнишними

обязательствами перед отцами-иезуитами, он передвигал бы полки не хуже бесноватого фюрера. Так что в случае «гномов» речь, скорее всего, идет о величии и немалой претензии на отправление власти над умами, а значит – о гордыне. Это странно, ведь ростки и эмбрионального себялюбия казалось бы не могут избежать сурового приговора философской саморефлексии, а у великих, еще со времен сократического «незнания», ценность рефлексии близка к абсолютной.

Всякий «объект» принуждения, мотивированный идеологией – подлинным хозяином его разума, не только всё делает сам, но делает это, что называется, энтузиастически. Подобный энтузиазм, по-видимому, способен заглушить не только голос саморефлексии и совести, но и требования самого разума. Если уж М. Хайдеггер потерял голову из-за одержимости властью над умами, завернутой в фантик идеологии, – этой настоящей «хозяйки медной горы», что уж тут говорить об остальных. Власть как соблазн и для мыслящих – философии и философов – оборачивается не шуточной выгодой для кукловодов.

Конечно, если бы философия не была иногда столь навязчивой и двумысленной; и, напротив, была бы достойна добродетели интеллекта как бескорыстной игры ума – этой подлинной «игры в бисер» [1] и не выходила бы за метафизические пределы, пускаясь то и дело в сицилийские вояжи à la Платон в земли неупорядоченной социальности, то душа философа сама себя понимающая оставалась бы равной себе и никакие властные амбиции не могли бы разрушить атараксии и отменить императив эпохé. Какие бы тогда настали времена и какие воцарились бы нравы... Ведь еще в истоке Аристотель пришел к выводу, что счастье принадлежит довольным собою и иного, кроме как быть собой, и желать не стоит. Довольный собой, а значит счастливый и самодостаточный человек вряд ли одержим соблазном власти и даже, быть может, более мелкими искушениями. Справедливо ведь расхожее наблюдение: Боже, избавь нас от друзей, а с врагами мы как-нибудь сами управимся. Если, судя по всему, идеология / власть – непреодолимый соблазн и для философов, то вряд ли их можно назвать счастливыми. Здесь не только Брут как влиятельный символ мужской «дружбы», но и алетейя как манна философии – не конкуренты. И не истины искал М. Хайдеггер в 1933-м, а власти; ради непотаенного он бы и дверь избушки в Шварцвальде не открыл, а, напротив, затворил бы ее поплотней.

Когда, уже в послевоенной переписке великих «гномов», речь идет о старательно скрываемой за эпистолярной респектабельностью жаждой академической власти, – пусть это уже и не политическая de facto власть 1933-го à la Хайдеггер, но все еще власть над умами, – то не является ли наивной и даже избыточной речь о «нравах»? Если предположить, что права очевидности над нашим разумом никто не отменял и мы, по-прежнему, способны заглянуть за поверхность слов – не худшего способа маскировки, то «нравы», действительно, ни при чем. Вернее, они не имеют значения. Это просто трагедия взаимности – приватной и метафизической. Здесь всё серьезнее – как в жизни Ф. Ницше и, вместе с тем, человеческой, быть может, слишком человеческой жизни…

В письмах К. Ясперсу, М. Хайдеггер не раз спотыкается о непосильную «нравственность» ницшеанского гения: «…вспомнил слова Ф. Ницше, которые Вы, конечно, знаете: “Сотня глубоких одиночеств в совокупности образует город Венецию – это его очарование. Картина для людей будущего”» [7, С. 254]. Но были натуры не столь очарованные словом и волшебством Венецианской лагуны – как, например, скучный создатель литературной классики Г.Э. Лессинг, не желавший замечать иных, помимо оптики воображения, причин мировоззренческих и светских козней: «И вольно господам ссориться; их воображение превращает ветряные мельницы в великанов» [7, С. 377]. Однако, и гений ницшеанской одержимости, и респектабельный классицизм потомка лютеранского пастора, равным образом удручают М. Хайдеггера, – «В сравнении с тем, что мыслится в том и другом случае, по существу мыслью будущего, мы просто гномы» [7, С. 254], – едва ли не с юности беременного предчувствием собственной избранности. Последняя, обнаруживая глубокую метафизическую природу, не только привела этого действительно сильного философа в период акме его жизни к казусу 1933-го, но и к моменту данного письма (август 1949-го) уже была дезавуирована крахом идеи национал-социализма в масштабах всей Европы.

Его vis-à-vis – К. Ясперс, будучи не столь значительным метафизиком, – сказалась травма позитивистской ориентации, полученная в молодые годы, – и сам понимая это, был обременен не меньше, чем М. Хайдеггер, но не назойливым предчувствием избранности, а довольно внятным, – все же психиатр, – сознанием посредственности. Можно сказать, что амбивалентное настроение недовольства собой у этих собеседников не только совпадает, но, пожалуй, служит и своеобразной подоплекой их «дружбы»: «То, что Вы говорите о нас как о “гномах”, – пишет К. Ясперс, – вполне созвучно моему ощущению. …это же выражение… первым использовал Я. Буркхардт. Но я сознаю и какая гордость заключена в том, чтобы войти в пространство великих…», быть «среди них, причем иначе, нежели большинство твоих современников. Потому-то мы знаем, насколько мы малы. Но вместе с тем – какое притязание: ты находился в общении с ними!» [7, С. 258]. И какое, при этом, жалкое зрелище: мелочность великих; мелочность, мнящего себя недостижимым, самомнения, прикрытая заботой о высоком…

Одно дело, когда в РФ-state, – как интеллектуальной провинции, нужной миру еще меньше, чем ее же провинция нефтяная, – современная университетская философия переполнена «ревностью», принуждая выпускников и столичных «факультетов мудрости» страдать от ее своенравного характера, а, по сути, так и не сублимированной бытовой агрессии, которую «преподаватели» приносят с тротуара, не отряхивая ног, в университетские аудитории; одно дело, когда отечественное интеллигентское community не перестает удивлять «профессиональным» чванством столичных знаменитостей – так называемых «публичных интеллектуалов», не способных жить без наркотика всеобщей медийной узнаваемости и вынужденных, оставаясь на уровне ожиданий неискушенной публики, постоянно сбиваться в кланы под штандартами какой-нибудь «философии»… И совсем другое дело, когда (если это принять) еще в недавнем прошлом не / вольный судья своего «друга» К. Ясперс, так и не переживший родовой травмы, – оставшийся куда более профессиональным и интересным психиатром, нежели философом, – возвышается над «большинством своих современников» такими нехитрыми способами как самомнение и эпистолярное общение с М. Хайдеггером.

Нельзя не заметить, что М. Хайдеггер тратил на сплетни по поводу академических статутов все же несколько

меньше времени и сил, чем К. Ясперс. Видимо поэтому, в разрыве «Briefwechsel», он успел «дослужиться» до чина фольксштурмиста, зачисленного в ряды «народного ополчения» не иначе как от цеха университетских профессоров философии... Быть может, и персональный панцерфауст где-то на складах дожидался профессора Хайдеггера… Люди в массе своей, как известно, очень легко экзальтируются и приносят клятвы кому попало; не только Гиппократу, друг другу, любимым, но и Waldhüter'у, как, например, батальоны Volkssturm'а: «Я даю перед Богом эту священную клятву… Адольфу Гитлеру. …и лучше умру, чем поступлюсь свободой…» [4, С. 66]. Неужели философия не обязывала к сдержанности этих «гномов», не особо тяготившихся даже комплексом Наполеона? Пока сэр Уинстон Черчилль и тов. Сталин сдавленно ненавидели друг друга, оба великих «гнома», по всей видимости, пребывали в бессознательном состоянии: один по поводу опасности нацизма, другой – по поводу его безопасности.

В статье «Метаморфозы великих гномов», предваряющей русскоязычное издание «Briefwechsel. 1920–1963», М. Рыклин невольно дезавуирует властные и распорядительные интенции собеседников, стремясь придать им форму некоей академической состоятельности: «Эти буквально одержимые делом философии люди – Ясперс, даже в большей мере, чем Хайдеггер, – прекрасно разбираются в институциональной, карьерной стороне своего призвания. <…> Когда Хайдеггер отказывается от берлинской профессуры, Ясперс констатирует: "...в Берлине теперь не будет философии..."… А вот как Хайдеггер судит о Гуссерле: "...говорит такие тривиальности, что просто жалость берет..."» [7, С. 13–15]. Именно так, по-видимому, и выглядит «благодарность» учеников, кои, поднаторев в диалектике университетской жизни, одним обличьем выглядят как «гномы», другим – как циклопы, прозревающие своим единственным, но вездесущим оком умозрения ничтожество своих учителей и коллег…

Пожалуй единственным «эффективным» снадобьем против reflexum vomitus академической, да и любой иной исключительности, – всегдашней реминисценции кондового фашизма, будь то расового, этнического или религиозного, – может служить разве что ницшеанское чувство жизни, да сокрушенное покачивание головой, – у этого немца она еще была, – «Человеческое, слишком человеческое…» [10, С. 232]. Аристократы и, в частности, аристократы от философии – М. Хайдеггер и К. Ясперс, наряжаясь в тогу академического аскетизма, называли себя «гномами» в сообществе великих, но делали это с такой примесью гордыни, – чего стоит, например, отзыв М. Хайдеггера о Э. Гуссерле, – что подобная «скромность» оказывалась едва ли не манифестацией сознания равноправного членства в платоновском пантеоне. Нельзя не признать, что и более скромным университетским профессорам пред / послевоенной Европы трудно было подавить стремление к превосходству и некоторую неразборчивость в средствах, в числе которых «академические» сплетни не были самым безобидным инструментом воздействия на коллег и общую атмосферу. «Успокаивает» только одно: в сравнении с нынешним университетским планктоном, – воплощающим свои карьерные амбиции настолько радикальными средствами, что уже и доносы воспринимаются как проявление подлинной добродетели, – европейские университетские «старики» первой половины / середины прошлого века с их невольной склонностью к злым сплетням выглядят безобидными слониками на комоде.

Но для великих это довольно странная смесь, – с одной стороны, мысль, действительная и возвышенная, с другой, такая приземленная «материя» как обсуждение чужой карьеры за спиной конкурента. Что бы ни двигало великими «гномами» в этом случае, – завышенная самооценка, высокомерие или, напротив, презрение к посредственности, – и то, и другое возвращает нас к жестокой честности апологета Заратустры [9] и даже – в более ранние времена: «Лучшее – мера»… [2, С. 83]. Увы, это так, даже если это – мера «человеческого» в человеке (не будем забывать, что «человеческое» – это, по преимуществу, негативная атрибуция, а всё остальное – такие же фантазии как и современный тотемизм, превозносящий голубку П. Пикассо, которая в дипломатическом деле годится разве что на презентацию «миролюбия» каннибалов). Жаль, весьма жаль, – как сказал бы вечно желчный Л. Шварцман.

С каким же чувством, спустя годы, они будут вспоминать эту живость карьерных сплетен и трепетность респектабельных встреч? Более чем через двадцать лет, прошедших с момента последней встречи с М. Хайдеггером, К. Ясперс так будет описывать его визит в «Philosophische Autobiographie» (тот самый случай, когда краткость цитаты превращает личность в посредственность, на радость последней): «…разговоры с Хайдеггером не были с моей стороны открытыми. <…> За столом он сказал слегка сердитым тоном: это безобразие, что существует столько профессоров философии – во всей Германии следовало бы оставить двух или трех. "Кого же?" – спросил я. Никакого ответа» [7, С. 347]. Но К. Ясперс не случайно и в очном общении с М. Хайдеггером, и заочной переписке выглядел педантичным интервьюером, а то и попросту занудой – он продолжает настаивать, стараясь все же разговорить собеседника: «Как может такой необразованный человек, как Гитлер, управлять страной?» [7, С. 347]. Однако здесь, «странным» образом, ответ не заставил себя ждать. И этот ответ был весьма неожиданным для К. Ясперса, да и поныне слова одного из самых ответственных мыслителей XX в. поражают своей ангажированностью: «Образование, – ответил М. Хайдеггер, – совершенно не важно, вы только посмотрите на его великолепные руки!» [7, С. 347]. Странность ответа не была случайной –уже тогда не только слова, но и сам М. Хайдеггер показался К. Ясперсу другим человеком: как говорится, «мы те же самые, и не те же самые» [12, С. 636]. И К. Ясперс, – даром, что психиатр, – испытал состояние, по сути своей, катарсической растерянности перед тем опьянением национал-социализмом, в которое М. Хайдеггер – его друг и, в известной мере, учитель в философии, погрузился вместе с толпами мелких лавочников: «Перед одурманенным Хайдеггером я оказался бессилен. <…> От той силы, к которой теперь примкнул Хайдеггер, я чувствовал угрозу и для себя самого и, как уже не раз в моей жизни, думал о "caute" Спинозы. <…> В мае 1933 г. Хайдеггер уехал в последний раз. Больше мы никогда не виделись» [7, С. 348].

К. Ясперс, порой, наивен, но не глуп – он не считает последующую переписку «местом встречи». Ясно, что точка невозврата была пройдена уже в 1933-м. Наверное, не только смерть может разлучить людей; есть вещи, в каком-то смысле, и пострашнее смерти – они разлучают при жизни. Например, подлость, которая не имеет срока давности; бывших подлостей не бывает – они всегда с теми, кто их совершил... Но как тут отличить: претензия ли это, которую мы адресуем Другому, или еще один приступ саморефлексии?

«Образование совершенно не важно…», если есть руки – руки, которые в крови по самые усы... Это ведь и «про нас» – с той только разницей, что ефрейтор уничтожал, в основном, чужие народы, а генералиссимус – «свои». Но

итог одинаков: любая попытка хоть что-то помыслить честно заканчивается одним и тем же – пониманием неслучайности вырождения. Здесь, по-видимому, и проявляет себя пресловутый генофонд: впору бы задуматься хотя бы сейчас, когда 1937-й, казалось бы, уже видится на расстоянии, но… некому и / или некогда. В итоге складывается ощущение, что мы – не потомки погибших, а наследники тех миллионов, что сдались в плен. Да и кто осудит, ведь говорят же, что жизнь дает бог, – пусть он и отнимает… Насколько одно – «пал смертью храбрых…» – не связано с другим – «попал… в плен»; и это ли не повод и это ли не оправдание? Воистину прав тщедушный и, одновременно, безрассудно смелый Р. Декарт: доказать можно всё, потому что на момент доказательства в языке есть все нужные слова [5, С. 20]. Призрачная связь слов как подмена реальности и всё, абсолютно всё – возможно.

Искупает ли величие М. Хайдеггера как философа его очарованность претензией фашизма на чистоту крови и тотальностью власти? Способно ли одно искупить другое, если они – абсолютно не связаны? И как это всё помещается в душе одного-единственного человека или сознании одинокого мыслителя? Мешает ли человек философу и наоборот? О чем, в этом смысле, говорил всё тот же Р. Декарт: великодушие – это способность великой души вместить весь этот мир, как он есть [6, С. 168]; вместить, чтобы ничего не менять и / или не вмешиваться в творение божье. Божье ли?...

Страдала ли душа Хайдеггера, вместив в себя столь разные вещи – соблазн причастности власти, слегка скрытой флером обаяния ницшеанской «белокурой бестии», и соблазн языка, неумолимо влекущего к истине Бытия? И страдала ли душа Ясперса, вместив в себя столь несовместимое – ревность к чужой мысли и облегчение праведника, пережившего творческую смерть еще при жизни? И каким, в итоге, был его суд над Хайдеггером – вынужденным или добровольным?

Вместо эпилога: Мартин Хайдеггер – Карлу Ясперсу, Freiburg im Breisgau, 7 марта 1950 г.: «Дорогой Ясперс! Я не приезжал в Ваш дом с 1933 года не потому, что там жила еврейская женщина, а потому, что мне просто было стыдно…» [7, С. 271].

Неплохо было бы порасспросить прошлое, из которого с течением времени каждый из нас состоит все более и более: неужели, чтобы распознать эти события и поступки как стыдные, нужно было правдами и неправдами стремиться стать «великим гномом»? И почему это «великим» (знаменитым, богатым, начальственным и протчая) в этом мире прощается столь многое, в том числе, и непонимание простых вещей, ясность которых составляет гигиенический минимум представлений, говоря словами «великих», обычного человека?

Воистину, язык площади ничем не хуже возвышенного слога Св. Писания, а человек в рубище – завернутого в тогу власти. Да, в сущности, нет разницы и в том, как мы выразим минимум достойного существования в этом вынужденном предстоянии миру, – которое, по случаю, называется «жизнь», – с помощью доморощенной обсценной лексики или посредством модного ныне BBC English; всё равно суть дела останется неизменной: Caute! Или в «переводе» на «естественный» язык: не сотвори…

Список литературы / References

1. Гессе Г. Игра в бисер / Г. Гессе. – М.: АСТ, 2006. – 544 с.

2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.

3. Канетти Э. Масса и власть / Э. Канетти. – М.: Ad Marginem, 1997. – 528 с.

4. Лавренов С. Я. Крах Третьего рейха / С. Я. Лавренов, И. М. Попов. – М.: ООО Фирма «Издательство Act», 2000. – 608 с.

5. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – 2-е изд. – М.: Прогресс; Культура, 1992. – 416 с.

6. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс; Культура, 1993. – 352 с.

7. Мартин Хайдеггер / Карл Ясперс. Переписка (1920–1963) / М. Хайдеггер, К. Ясперс. – М.: Ad Marginem, 2001. – 416 с.

8. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – М.: REFL-book, 1994. – 352 с.

9. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 4. Так говорил Заратустра. Книга для всех и не для кого / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2007. – 432 с.

10. Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. С. 231–490.

11. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Государство / Платон. – М.: Мысль, 1994. С. 79–420.

12. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Кратил / Платон. – М.: Мысль, 1990. С. 613–681.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gesse G. Igra v biser [The game of beads] / G. Gesse. – M.: AST, 2006. – 544 p. [in Russian]

2. Diogen Lajertskij. O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov [On the life, teachings and sayings of the famous philosophers] / Diogen Lajertskij. – 2-e izd. – M.: Mysl', 1986. – 571 p. [in Russian]

3. Kanetti Je. Massa i vlast' [Mass and power] / Je. Kanetti. – M.: Ad Marginem, 1997. – 528 p. [in Russian]

4. Lavrenov S. Ja. Krah Tret'ego rejha [The Collapse of the Third Reich] / S. Ja. Lavrenov, I. M. Popov. – M.: OOO Firma «Izdatel'stvo Act», 2000. – 608 p. [in Russian]

5. Mamardashvili M.K. Kak ja ponimaju filosofiju [As I understand philosophy] / M.K. Mamardashvili. – 2-e izd. – M.: Progress; Kul'tura, 1992. – 416 p. [in Russian]

6. Mamardashvili M.K. Kartezianskie razmyshlenija [Cartesian Reflections] / M.K. Mamardashvili. – M.: Progress; Kul'tura, 1993. – 352 p. [in Russian]

7. Martin Hajdegger / Karl Jaspers. Perepiska (1920–1963) [Correspondence (1920–1963)] / M. Hajdegger, K. Jaspers. – M.: Ad Marginem, 2001. – 416 p. [in Russian]

8. Nicshe F. Volja k vlasti: opyt pereocenki vseh cennostej [The will to power: the experience of reassessing all values] / F. Nicshe. – M.: REFL-book, 1994. – 352 p. [in Russian]

9. Nicshe F. Polnoe sobranie sochinenij. V 13 t. T. 4. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlja vseh i ne dlja kogo [Full composition of writings. In 13 vols. T. 4. So spoke Zarathustra. A book for all and not for anyone] / F. Nicshe. – M.: Kul'turnaja revoljucija, 2007. – 432 p. [in Russian]

10. Nicshe F. Sochinenija. V 2 t. T. 1. Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe. Kniga dlja svobodnyh umov [Compositions. In 2 vols T. 1. Human, too human. Book for free minds] / F. Nicshe. – M.: Mysl', 1990. P. 231–490. [in Russian]

11. Platon. Sobranie sochinenij. V 4 t. T. 3. Gosudarstvo [Collected works. In 4 vols. T. 3. The state] / Platon. – M.: Mysl', 1994. P. 79–420. [in Russian]

12. Platon. Sobranie sochinenij. V 4 t. T. 1. Kratil [Collected works. In 4 vols. T. 1. Cratyl] / Platon. – M.: Mysl', 1990. P. 613–681. [in Russian]

DOI: https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.67.118

Пономарёва Н.Д.[1], Коробова А.Г.[2]

[1]ORCID: 0000-0002-8094-310X, кандидат философских наук,

[2]ORCID: 0000-0002-8275-9023, старший преподаватель,

Набережночелнинский институт

Казанского (Приволжского) федерального университета

РЕФЛЕКСИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВООБРАЖЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация

В статье в социально-философском контексте обосновывается необходимость рефлексии как фактора личностной зрелости. Приводимыми точками зрения Л.Н. Толстого - на жизненный успех и Митио Каку – на востребованные в XXI веке человеческие способности (креативность, воображение, инициативу), обозначается необходимость принятия их во внимание современным поколением 17-ти-25-ти летних людей. Акцентируется внимание на взглядах философов и художников, базировавших свои доводы на необходимости развития воображения у человека, это, в частности, Пифагор, Аристотель и В.В. Кандинский. Обозначается, что наличие развитого воображения способно не только обогатить эмоционально-чувственную сторону жизни человека, но и содействовать его нравственному совершенствованию и, как следствие, улучшению качеств социального бытия.

Ключевые слова: Лев Толстой, Митио Каку, социальная философия, рефлексия, жизненный успех, воображение, социальное совершенствование.

Ponomareva N.D.[1], Korobova A.G.[2]

[1]ORCID: 0000-0002-8094-310X, PhD in Philosophy,

[2]0000-0002-8275-9023, Senior Lecturer,

Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University

REFLECTION IN LIGHT OF IMAGINATION: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXT

Abstract

The necessity of reflection as a factor of personal maturity is substantiated in the article in a social and philosophical context. The points of view of L.N. Tolstoy on the life success and Michio Kaku on the human abilities that are in demand in the 21st century (creativity, imagination, initiative) are presented in the paper, the need to take them into account by the modern generation of 17-25-year-old people is highlighted as well. The attention is focused on the views of philosophers and artists who based their arguments on the need to develop the imagination of a person, such as Pythagoras, Aristotle and V.V. Kandinsky. It is indicated that the presence of a developed imagination is able not only to enrich the emotional and sensual side of a person's life, but also to promote a moral perfection and, as a result, to improve the qualities of social life.

Keywords: Lev Tolstoy, Michio Kaku, social philosophy, reflection, life success, imagination, social improvement.

В структурах социальной философии сегодня окрепло убеждение в том, что некоторые проблемные факторы социокультурной реальности, так или иначе осложняющие процесс общественного воспроизводства, требуют многостороннего осмысления. К их числу следует отнести: информационную революцию, модификацию либеральных ценностей (как-то переформатирование христианских ценностей в европейские), а также консюмеризм - смысл существования сегодня зачастую сводится к материальной полезности и гедоническим удовольствиям. Жизнеспособность каждого из этих факторов в той или иной степени поддерживается каждым человеком. Тем самым на каждого возлагается собственная толика ответственности за качество общественного бытия. Рефлексивное осознание данного обстоятельства – важнейшая бытийственная задача современного общества. Коротко говоря, проблемная специфика современного социального состояния такова, что сегодня становится особенно важным человеческое измерение любой социальной деятельности. Регулярно возникающая в современном обществе аномия как временная утрата действенности социальных норм, обусловленная кризисными явлениями различного генеза (Эмиль Дюркгейм), лишает людей надежды, выбивает у них почву из-под ног. Разобщённость, отчуждённость людей друг от друга есть проявления аномии, свидетельствующие о том, что уязвимость социальной системы требует адекватного уравновешивания, в том числе, посредством качественного совершенствования различных видов деятельности, к числу которых относятся гуманитарные интеракции, а, значит, и философствование (рефлексия). Подлинное, глубокое философствование (рефлексия) как сугубо человеческая способность не только к конкретным, но и к абстрактным размышлениям о природе, собственном существовании, отношении к людям, базируется на методологии, категориях и понятиях, выработанных историей познания. Важной особенностью метода научного познания является соединение в индивидуальном познавательном акте двух сфер – области чувственного познания и сферы абстрактного познания. Заметим при этом, что геометрический стиль, как способ осмысления бытия,